

6. СТОЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ СССР: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

А.А. Балаева, студентка магистратуры
Научный руководитель – Е.А. Нальчикова, кандидат исторических наук, доцент
КБГУ им. Х.М. Бербекова (Нальчик)

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ)

Традиционное общественное устройство у народов Кабардино-Балкарии на протяжении многих столетий оставалось стабильным. Незначительные изменения дореволюционного времени сменились серьезными трансформациями в советский период в связи с появлением городов и нетипичной для региона культуры. Сегодня значительная часть населения региона проживает в условиях города, который ощущает на себе цивилизационное «давление» Запада и религиозное влияние Востока.

На современном этапе в разномасштабных поселениях республики сохраняется традиционная обрядовая практика, особенно в знаковых событиях жизненного цикла, начиная с рождения ребенка, которые отмечаются с традиционным размахом [4, с. 21], заканчивая соблюдением правил национального этикета и требований шариата. Не менее значима свадебная обрядность, сохраняющая некоторую внешнюю атрибутику прошлого. В похоронно-поминальной обрядности, считающейся самой консервативной, значение конфессионального фактора в сравнении даже с этнической традицией на сегодняшний день резко усилилось. Из сохранившихся древнейших ритуальных практик, в первую очередь, выделим расположение супружеских могил рядом друг с другом [3, л. 57]. Для реализации подобной возможности после смерти одного из них огораживалось место под будущую могилу второго супруга.

Структура городских кладбищ г. Нальчика наглядно демонстрирует, что даже в советский период достаточно часто встречались находящиеся рядом захоронения мужа и жены. Подобное можно наблюдать и на христианском (район Затишье), и на мусульманском (вольноаульском) кладбищах. При этом разная конфессиональная принадлежность пары не служила препятствием для исполнения последней воли ушедших и захоронении их в одном месте.

Еще одна характерная особенность – невзирая на количество законных браков, приоритет отдавался первой супруге покойного. Х-ва Д.Ц. (1928–1997 гг.) распорядилась похоронить ее на кладбище с. Аргудан рядом с братьями. Она объясняла свое решение тем, что на том свете покойный муж уже восстановил свой первый брачный союз с К-ой Ц.М., рядом с которой был похоронен пятью годами ранее. М-в Исмель (1921–2001 гг.) из г. Нальчик, состоявший в браке три раза, завещал детям похоронить его рядом с первой женой, чеченкой из г. Гудермес, умершей более 40 лет назад.

Не удивительно, что для республики с двумя титульными этносами свойственен относительно высокий процент межнациональных и межконфессиональных браков. Особенно это заметно в городской среде, что актуализирует вопрос о совместных (на одном кладбище) или отдельных захоронениях супругов. Первый фактор принципиального значения не имеет, если речь идет о представителях коренных народов региона. Но когда мы говорим о межконфессиональных семьях, вопрос их посмертной судьбы становится актуальным. Наличие в городе упомянутых разноконфессиональных кладбищ ставит перед женами вопросы выбора. Опросы пожилых респондентов показывают, что многолетнее совместное проживание чаще всего приводит и к общности «посмертной судьбы» [5, с. 147]. Так, Б-ва Б.И. (1938 г.р., г. Ессентуки), похоронив 10 лет назад мужа и сына, завещала похоронить себя рядом с мужем (хотя место не оставлено) на вольноаульском мусульманском кладбище г. Нальчика, объяснив это желанием остаться рядом с ними после смерти и вероятной возможностью воссоединиться со своей семьей.

Б-ва Т.И., 1952 г.р. из г. Владикавказ, осетинка-христианка, проживавшая в г. Нальчике, потеряв супруга 12 лет назад, завещала детям похоронить себя на родовом мусульманском кладбище с. Чикола рядом с супругом. Аналогичный наказ – похоронить себя рядом с мужем на родовом кладбище – оставила А-ва Е.А., представительница греческой диаспоры из г. Краснодар.

А-ба А., 1929 г.р. из г. Сухум, мусульманин, похоронив несколько лет назад жену по христианскому обряду, через некоторое время стал беспокоиться о возможном отдельном существовании с покойной [1, с. 174], и принял крещение, чтобы после погребения воссоединиться с супругой. Случай нельзя назвать типичным, поскольку обычно вероисповедание мужа является определяющим при выборе погребального обряда.

Уроженец Северного Кавказа, балкарец по национальности А-ев С.И. познакомился с Г.Е. И-ой, родившейся на Казачьем хуторе в зажиточной крестьянской семье. Девушка, будучи в 1930-х годах, в эпоху всеобщей коллективизации, несправедливо репрессирована, вынужденно переехала на другую сторону реки Дон, работала по направлению в одном из сёл Казахстана учительницей русского языка и литературы. Там она

и познакомилась со своим будущим мужем – С.И. По прошествии двух лет знакомства они поженились и перебрались в с. Кенделен, где начали совместную жизнь. Супруга, быстро освоив традиции и обычаи балкарцев, заслужила уважение и любовь родственников своего мужа. Они прожили долгую совместную жизнь, их смогла разлучить только смерть. Безусловным и однозначным консолидированным премортальным решением супругов было близкое расположение могил.

Противоречивая ситуация была связана с П-ной Ш.Х. (1935–1998 гг.). Похоронив русского супруга на христианском кладбище г. Нальчик, она через девять лет умерла, но по настоянию родственников была отвезена в аул Красный Восток и похоронена на родовом кладбище по абазинскому обычаю [6, р. 313]. Балкарец, житель с. Яникой М-ев, уехав в г. Ростов на курсы бухгалтеров, встретил казачку-христианку из г. Ставрополь. Женившись на ней, привез ее в свое родовое село. За год проживания в семье она выучила балкарский язык, приняла ислам, и ей дали мусульманское имя Ханифа. Была похоронена в с. Яникой по мусульманскому обряду. На надгробном камне надпись М-ева Ханифа Артемовна.

В семье Ш-ых из г. Нальчик межнациональные / межконфессиональные браки случились в трех поколениях. Ш-в К.А. женился на православной, похоронен на мусульманском кладбище, его супруга – Ш-ва Л.И. – распорядилась похоронить ее на христианском кладбище г. Нальчика, рядом с родителями, сестрами и сыном. Старший сын был женат на русской и трагически умер в сорокалетнем возрасте. В родовом селении отца его подготовили к похоронам по мусульманскому обряду, но, по настоянию матери и жены, после скандала его переложили в гроб и похоронили на христианском кладбище г. Нальчика, рядом с родными по материнской линии. Внук – Ш-ов А.К. – также имеет русскую жену, но пока, в силу молодого возраста, не задумывался о месте захоронения.

Жительница г. Нальчик, Г-ва Т.И., 1948г.р., распорядилась похоронить ее на городском мусульманском кладбище, чтобы ее «дети могли навещать» [2, с. 73]. Сегодня самая распространенная мотивация для женщин-мусульманок старшего поколения – желание ощущать заботу о месте своего погребения со стороны детей и близких. Традиционные слова успокоения умирающих и сегодня построены на представлениях о том, что на том свете их ждут члены семьи и родственники, уже ушедшие из жизни. Поэтому смерть каждого человека воспринимается в обыденном сознании как условие восстановления единства его семьи в загробном мире.

Межнациональные и межконфессиональные браки, на первый взгляд, предполагают отдельные захоронения, но современная повседневная практика показывает, что супруги упорно стремятся остаться рядом и после смерти.

Рационального объяснения подобному не существует, но указанные процессы особенно характерны для городской среды северокавказских народов, в отличие от сел, где проблема выбора не стоит.

Таким образом, исследование этноментальных взглядов на посмертное существование и самой похоронно-погребальной культуры народов КБР, позволяет проследить трансформации повседневной жизни традиционной семьи и поставить вопросы о месте национальных или религиозных факторов, о сохраняющемся влиянии новых советских практик, распространении глобализационных тенденции и их причудливом переплетении в ритуальной практике полиэтничного региона.

Список источников

1. Гугова, М. Х. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности / М. Х. Гугова, Е. А. Нальчикова, М. А. Текуева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 6-1 (50). – С. 171–175.
2. Нальчикова, Е. А. Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция / Е. А. Нальчикова // Власть. – 2007. – № 8. – С. 71–73.
3. Нальчикова, Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Е. А. Нальчикова. – Нальчик, 2007. – 233 л..
4. Текуева, М. А. Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов / М. А. Текуева // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 2 (16). – С. 21–24.
5. Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации / М. А. Текуева [и др.] // Кавказология. – 2017. – № 4. – С. 145–157.
6. Meaning Of Death For Adygs During The Years Of The Caucasian War / М. А. Tekueva [et al.] // Journal of History Culture and Art Research. – 2018. – Т. 7. – № 4. – P. 313–323.

Н.А. Ёдко, студентка

*Научный руководитель – А.А. Киселев, кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Государства, образовавшиеся после распада СССР, наметили путь на переход к рыночной экономике, что привело к значительным коренным изменениям во всех базовых институтах и механизмах системы социального обеспечения граждан пенсионного возраста. Основопологающей причиной,